

Антонова Елена Леонидовна

ФОЛЬКЛОР КАК "КАНАЛ" РЕТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В НЕПИСЬМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДНОЙ СРЕДЫ

В ходе концептуальной реконструкции народной культуры автор выявляет, что в "неписьменном" пространстве народной среды формируется "обобщающе-типизирующая" форма рациональности, а для фольклорного влияния открыт уровень коллективного восприятия. Именно по этой причине в традиционный период бытования народной культуры фольклор выступает "каналом" ретрансляции культурной традиции и просвещения. "Конструируя" таким образом потребную социуму социокультурную реальность, он создает условия для перманентного "самовоспроизводства" народной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 26-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008

Культурология

В ходе концептуальной реконструкции народной культуры автор выявляет, что в «неписменном» пространстве народной среды формируется «обобщающе-типизирующая» форма рациональности, а для фольклорного влияния открыт уровень коллективного восприятия. Именно по этой причине в традиционный период бытования народной культуры фольклор выступает «каналом» ретрансляции культурной традиции и просвещения. «Конструируя» таким образом потребную социуму социокультурную реальность, он создает условия для перманентного «самовоспроизводства» народной культуры.

Ключевые слова и фразы: культура деревни; фольклор; «канал» ретрансляции; «обобщающе-типизирующая» форма рациональности; усвоение культурной традиции; уровень коллективного восприятия; миссия просвещения.

Елена Леонидовна Антонова, к. филос. н.

Кафедра теории и истории культуры

Белгородский государственный институт искусств и культуры

E-pi-fan@yandex.ru

ФОЛЬКЛОР КАК «КАНАЛ» РЕТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В НЕПИСЬМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДНОЙ СРЕДЫ[©]

Если признать, что культура представляет собой совокупность письменных и/или неписменных «текстов», то становится понятным, почему с изменением методов изучения фольклора в центре внимания исследователей – в качестве «имманентной структуры» народной культуры в традиционный период ее бытования – оказывается коллективный фольклорный «текст» с его специфическими интертекстуальными и контекстными отношениями. Выступая как произвольные «комбинации элементов традиции, которые воспроизвод[ились] в варьируемых формах при каждом отдельном исполнении» [6, с. 17], фольклорные «тексты» давали возможность каждому поколению находить «новое в старом», что не только позволяло перманентно актуализировать «дедовскую» культурную и фольклорную традицию, но и имманентно превращало фольклор в «канал» 1) ретрансляции исторически сложившегося в народной среде «культурного порядка» и 2) просвещения. Вот почему при ближайшем рассмотрении фольклор представляет собой совокупность вербальных «текстов», «заключавших в себе... большой... диапазон “сообщений”, которые “тяготеют к изложению относительно устойчивого набора смыслов стереотипными средствами”» [Там же].

Когда речь идет о неписменных и письменных «текстах», следует учитывать, что они выступают носителями разных форм рациональности. Так, письменный «текст» является носителем «объектной» и «субъектной» форм рациональности. Но если «объектная» рациональность письменного «текста» подразумевает наличие достаточно жестких критериев – это «законы логики, четкие правила и образцы познавательных действий, казуальные схемы объяснений, научные законы, систематичность и др.» [1, с. 12], то «субъектная» рациональность может описываться, как минимум, пятью формами проявления рефлексивной деятельности. Это:

– **фиксация нетипичного**, когда невозможно абстрагироваться от места, времени, ситуации и прочих специфичностей («единичностей») при изучении человека, его деятельности или мышления, чтобы выйти на абстрактно-рациональные, идеальные конструкторы;

– **учет личностного**, субъектного при ссылке на разумность;

– **ценностные представления**, играющие более явную роль в процессе художественного освоения действительности и менее явную – в научном творчестве;

– когда субъектная рациональность охватывает **индивидуальные мнения**, впечатления, особенно злободневные (литература, худ. критика и др.);

– представления, включающие социально-политическую, нравственно-эстетическую и другую (групповую, национальную, общечеловеческую) **заинтересованность субъекта**. Примером могут служить идеологии, **представляющие свой частный интерес как общезначимый** [Там же, с. 15].

Поскольку, как представляется, последнее кардинально противоречит изначальной «идеологической» «единонаправленности» неписменного – коллективного фольклорного – «текста», ориентированного в народной среде исключительно на трансляцию **общих для социума** идеалов, целей и ценностей, то фольклор имманентно становится носителем **«обобщающе-типизирующей» формы рациональности**.

Именно поэтому, будучи «каналом» ретрансляции «программ поведения и общения» как этно- и социо-«кодов», выразивших «характер хозяйственной, социальной и культурной жизни» [2, с. 67], фольклор осуществлял в народной культуре функцию а) – «программного» и б) – «языкового» обеспечения, а как носитель социального опыта, практического и интуитивного знания фольклор становится основным источником коллективно значимой информации. Иными словами, в неписменном информационном пространстве народной среды фольклор опосредованно «конструировал» потребную социуму повседневную и социокультурную реальность. Сказанное дает основания утверждать, что фольклор и создаваемая им «изустная» «информационная среда и есть культура» [5, с. 53], которую принято называть «традиционной».

Поскольку основным «каналом» ретрансляции «культурной традиции» в народной культуре оставался фольклор, то, как коллективный «культурный текст», он занимал место, которое в «письменном» городском отводилось «литературе»: кроме ретрансляции «культурной традиции», формировавшей потребную социокультурную реальность, на нем лежала миссия просвещения¹. Поэтому в «неписьменном» информационном пространстве народной среды «вербальность» в большей степени, чем «письменность» в городской среде, способствовала усвоению «культурной традиции», что обеспечивало ей, как самоорганизующейся и саморегулирующейся системе, непрерывность «самовоспроизводства».

В раннетрадиционный период усвоение коллективного как «должного» в народной культуре обеспечивалось, прежде всего, перманентным воспроизводством семейно-бытовой (этнокод) и календарной (социокод) обрядности как «культурных артефактов», «конструируемых» социокультурную реальность как «сущее». Когда же с угасанием синкретизма в традиционный период *духовная* и *практическая* стороны повседневной жизни перестают быть неразрывно связанными, а семейно-бытовая и календарная обрядность становятся неотъемлемой частью «культурной традиции», то коллективное как «должное сущее» продолжает формироваться обрядовым фольклором, а «индивидуальное» получает возможность для «самовыражения» во внеобрядовом фольклоре (былина, сказка, загадка, песня, танец и т.д.), будто специально созданном для импровизации.

Эффективность усвоения «культурной традиции», формировавшей в народной культуре «коллективное начало», объясняется тем, что в неписьменной народной среде, со свойственным ей синхронным мышлением, для фольклорного влияния был открыт *уровень коллективного восприятия*. Этому способствовала *типологизация* как творческий метод фольклора и «оплот традиционализма», облегчавшая интериоризацию коллективно значимой «информации», прошедшей через систему «общественного» отбора и закреплённой в коллективных фольклорных «текстах». По сути, весь спектр значений, который в реальной жизни всегда стоит за любым явлением, в фольклоре «унифицируется»: «типовые» ситуации, нормы, отношения в социуме и семье трактуются либо как должные, либо как чуждые коллективному идеалу. Именно поэтому они постоянно «проигрывались» в свадебной обрядности: одни – как «правильные» (должные), заслуживающие одобрения, другие – как «неправильные» («недолжные»), подлежащие осуждению и «изъятию» из коллективного обращения. Примером «правильного» может выступать «разыгрывание» в свадебных «игрищах» второго дня «ритуала» совместного труда молодых (например, (региональное) натаскать бочку воды дырявым ведром и т.п.), а примером «неправильного» – разыгрывание ритуальной драки. Она вводилась в контекст обряда как демонстрация недостойного – «осмеиваемого» – поведения. Отсюда и поговорка «Какая свадьба без драки», содержание которой сегодня трактуется превратно. Как демонстрация «неправильного» – «*обратного*» – поведения, ряжение и другие формы «ритуального лицедейства» (частью которого была и ритуальная драка) являлись обязательным атрибутом обрядовых действий в свадебной и календарной обрядности. Однако с XIX века, с разрушением «культурной традиции», наблюдается процесс перевода элементов «обратного поведения» из обрядового в повседневный «оборот», приживавшихся преимущественно *в молодежной среде* [4].

Таким образом, транслируемые через семейную и календарную обрядность нравственные установки в традиционной народной культуре попадали на индивидуальный уровень восприятия опосредовано – путем предварительного «переломления» через призму коллективного сознания и посредством отбора «должного» как «сущего». В этом контексте коллективные «тексты» фольклора выступают «методологическим» основанием «рациональной репрезентации (*традиционной* – Е. А.) социальной реальности» [3, с. 71]. И с этим необходимо считаться как с одним из определяющих принципов фольклорного бытия, не только конструировавшего потребную коллективному социуму повседневную и социокультурную реальность, но и выполнявшего миссию просвещения как необходимого условия «самовоспроизводства» народной культуры. Так «культурная традиция», посредством коллективной обрядности – «базового элемента» традиционного фольклора, – транслирующей общие для социума ценности, идеи, цели и нормы, выполняла роль «селектора», «исключавшего» в народной культуре саму возможность «кризисов», а тем более – «переходных процессов», периодически возникающих в городской среде.

Кризис «культурной традиции» наступает в урбанистический период, когда под влиянием сначала петровских реформ (отходные промыслы), а затем и с отменой крепостного права (разрушение общинного образа жизни), не только ликвидируется «гомогенность» социальной структуры крестьянства, но и изменяется «канал» ретрансляции фольклорных «текстов». Вырванные фольклористами из продуцировавшей их среды, *записанные и обработанные в письменной традиции*, «тексты» фольклора не только *утрачивают* присущую им *региональность*, но и, как это не парадоксально, сами становятся образцом, на который начинает равняться деревня (пример: *сценический фольклор* – «фольклоризм»). Так начинается процесс постепенного угасания «аутентичного» крестьянского фольклора, который сопровождается «сворачиванием» традиционных жанров и снижением художественного уровня фольклорных произведений. Под давлением «письменной» городской среды традиционный фольклорный «текст» сначала подвергается воздействию литературного «текста», откуда берут начало гибридные формы фольклора и городской «примитив», а затем сам крестьянский фольклор начинает медленно замещаться «*городским*». Примером может выступать такой элемент свадебной обрядности как *частушка*, которая, став в XIX веке в среде *городских рабочих* самостоятельным жанром позднетрадиционного (современного) фольклора, только в XX ст. возвращается в деревню.

¹ Именно это свойство фольклора использовали русские просветители, поставив на службу «официальному просвещению» в письменной городской(!) среде детский материнский фольклор, фольклорную прозу, паремии и т.д. Таким образом, фольклор не только дает начало такому феномену как детская литература, но и «передает» ей свою основную функцию – *функцию просвещения*.

На основании сказанного можно констатировать, что в традиционный период бытования народной культуры в «неписменном» пространстве народной среды формируется «обобщающе-типизирующая» форма рациональности, а для фольклорного влияния открыт уровень коллективного восприятия. Выступая в традиционный период бытования народной культуры «каналом» ретрансляции культурной традиции и просвещения, фольклор «конструировал» потребную социуму социокультурную реальность, необходимую для ее перманентного «самовоспроизводства».

Список литературы

1. **Афанасьев А.** Немецкая философская традиция и рациональные основания гуманитарного знания // Докса: сборник научных трудов по философии и филологии. Одесса, 2008. Вып. 12. С. 9-16.
2. **Давыдов Д. В.** Некоторые особенности постройки и декорирования крестьянских жилищ в 1920-е годы // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 67-71.
3. **Демина Н. А., Павлов А. П.** Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 71-76.
4. **Ермина В. И.** Ритуал и фольклор / отв. ред. А. А. Горелов; АН СССР; Ин-т рус. лит. Л.: Наука (Ленинград. отд-ние), 1991. 206 с.
5. **Кармин А.** Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 53-60.
6. **Неклюдов С. Ю.** Поле гуманитарного знания и стратегии исследования народной культуры // Вестник РГГУ. Сер. «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10. С. 11-35.

**FOLKLORE AS “CHANNEL” OF CULTURAL TRADITION AND EDUCATION RETRANSLATION
IN NON-WRITTEN INFORMATION SPACE OF PEOPLE’S ENVIRONMENT**

Elena Leonidovna Antonova, Ph. D. in Philosophy
*Department of Culture Theory and History
Belgorod State Institute of Culture and Arts
E-pi-fan@yandex.ru*

In the course of people’s culture conceptual reconstruction the author reveals that the “generalizing-typifying” form of rationality is formed in the “non-written” space of people’s environment and the level of collective perception is open for folk influence, substantiates that for this reason folklore acts as the “channel” of cultural tradition and education retranslation during the traditional period of people’s culture existence, and shows that thereby “constructing” the social-cultural reality required by socium it creates the conditions for people’s culture permanent “self-reproduction”.

Key words and phrases: culture of village; folklore; “channel” of retranslation; “generalizing-typifying” form of rationality; cultural tradition assimilation; level of collective perception; mission of education.

УДК 34

Юридические науки

В статье раскрываются проблемы ответственности, установленной Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., за организацию шайк и преступные деяния, совершенные шайками. Автор приходит к выводу, что шайка рассматривалась как наиболее опасная форма соучастия, ответственность ус- танавливалась не только за преступления, совершенные шайкой, но и за организацию шайки.

Ключевые слова и фразы: Уложение; шайка; скоп; заговор; преступное сообщество; соучастие; уголовная ответственность; лишение всех прав состояния; ссылка; исправительные арестантские работы.

Надежда Юрьевна Астахова

*Кафедра теории и истории государства и права
Астраханский государственный университет
astaxowa.nadejda@yandex.ru*

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ,
СОВЕРШАЕМЫМИ ШАЙКАМИ, В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ XIX В.
(УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 Г.)[©]**

Организация преступных групп и преступления, совершаемые подобными группами, представляют серьезную угрозу для безопасности и общественного порядка. Современная историко-правовая наука